

ЕЛЕНА ЯДРЕНЦЕВА
НЕВЕРМОРЕ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Я 37

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Орехова

Книга создана при содействии
литературного агентства «Вимбо».

ISBN 978-5-389-33906-4

© ООО «Вимбо», 2026
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Все, что я говорю, не имеет смысла,
но важнее: я все-таки говорю.

Светлана Галкина.
Выключатель зимы

Пролог

Если честно, не знаю, как начать эту историю, поэтому давайте просто расскажу, как все у нас устроено.

Допустим, вы встаете рано утром. Рано — это когда небо внизу еще светло-зеленое, а сверху бирюзовое, а скала из ночного фиолетового опять перелинивала в темно-синий. Раннее утро. Потому что дальше будет слишком светло, чтоб мочь все осмотреть, а пока вы еще можете не прикрывать глаза растопыренной пятерней и не надевать на голову шляпу с полями. Ни коричневую, ни белую — вообще никакую. Допустим, на вас шорты и футболка — насколько я помню, это можно носить и мальчикам, и девочкам, и взрослым, и детям, так что не имеет особого значения, кто вы такой. И вместо того, чтоб сосредоточиться на вас, мы можем посмотреть по сторонам. Откуда бы начать? Пройти пляж из конца в конец и вернуться на утес?

Точно же — я забыла, что вы ничего не знаете. Забыла сказать, что у нас есть пляж и море, а сразу за пляжем городок и лес. Тогда давайте медленно спускаться, чтобы вы привыкали постепенно. Итак, мы с вами на самой вершине — оба в сандалиях на толстой подошве или в кожаных сапогах, и мы уверенно встаем на каменную крошку. Никаких «камень под ногой вдруг стал крошиться и осыпался» — только не здесь. И никаких «он сам не понял, как свалился в пропасть». Ну сами посудите: как же тут свалиться? Тут ведь даже есть ограждение: редкие, тонкие вертикальные стальные прутья и один общий горизонтальный. Говорите, легко пролезет ребенок? Говорите, и взрослому не понадобится особенно напрягаться, а только сесть на корточки — так а что же он, этот взрослый, не в себе, что ли? Может быть, слишком много пил из водопада? Да, да, да — водопад у нас за спинами, совсем неопасный, пенный и кудрявый. Ручной водопад. Можете его погладить. Можете даже зачерпнуть воды в ладони и размазать по лицу — никто не возразит. И еще тут висит железная кружечка — чтоб можно было пить. Но не больше одной за раз! За один ваш визит на утес.

На утесе безопасно и красиво. Ступенек нет, никто не вырубал, но иногда появляется тропинка, и даже если вы в какой-то момент не сохраните равновесия и приземлитесь

на... на то, на чем сидите, — ничего страшного. Потом можно просто отряхнуться. Пыль здесь не жирная и не тяжелая, а светлая и легкая.

Итак, мы все еще идем вниз по тропе, по склону. Здесь иногда встречаются козы с колокольчиками и белой шерстью, похожей на отцветший чертополох, такой же серо-белый. Вы их не бойтесь, этих коз, — они сами все знают. Может, им нужно к водопаду или к деревьям. Или еще есть луг, но это тоже наверху, а мы же уже спускаемся. Нам ведь нельзя все утро простоять на месте.

Когда увидите по сторонам тропы цветы — гладьте, но не срывайте. Тут всякие есть — и маленькие фиолетовые, которые всегда растут по несколько штук рядом, и бело-желтые с полукруглыми лепестками, и розовые пуховки на тонких стебельках.

Да, садитесь на корточки — никто не помешает. Касайтесь темных валунов, и белого мха на них, и белых росчерков, которые неизвестно кто придумал; касайтесь пуховок, и белых лепестков, и темных листьев всех форм; касайтесь травы — она здесь воспитанная, никогда не порежет руку зря; трогайте все, но ничего не забирайте. Тут так не принято. Если утес захочет что-нибудь вам подарить, вам под ноги как будто сам собой упадет камешек. А еще на утесе можно... Ой, нет, погодите, мы ведь еще до моря

не дошли. Но мы же быстро идем? Все уже хорошо видно: и пляж с единственным шезлонгом, парусиновым, его специально ставили подальше ото всех; и тележку с клубничным льдом; и старую будку; и ракетки, и разноцветный мячик — снова их позабыли на песке; и навес в вечной тени — правда, там так холодно, что даже в самую жару никто подолгу не сидит. Говорят, если в этой самой тени заснуть, покроешься скользкой синей коркой, холодной и похожей на застывшее желе. Но я не проверяла.

А больше я сегодня ничего не смогу вам показать, потому что мне кладут руку на плечо — и я начинаю плакать.

— Пойдем, — говорит М. — Побудешь на подхвате. Что случилось?

Вообще-то, я стараюсь не реветь при нем, но так не хочется уходить. А если М. здесь — это значит все, прощайся с морем аж до завтра, иди и честно ешь свою овсянку, и никаких тебе шезлонгов, никакого льда клубничного. Разговорилась с воображаемым собеседником! А мне ведь целую тетрадку еще надо исписать, все рассказать с начала до конца, а я даже про море не могу. Да ну.

— Сможешь работать? — спрашивает М. — Нужно сходить кое-кого забрать. Я провожу. Что ты так смотришь? Зато завтрак прогуляешь.

Я бы хотела получить эту работу больше всего на свете, но я же ведь... Я же реву чуть

что и только что вернулась, и уж точно есть люди компетентнее меня, которым тоже нужно это место. Эта практика.

— Но если вы проводите, зачем тогда там я?

— А ты что, хочешь сразу в омут, в одиночестве? Ну извини. Пойдем. Поищешь сама, а шагнем мы вместе.

— А разве нет еще каких-то претендентов?

— А ты уже прошла отбор.

— Какой?

— Заочный.

С ним никогда не понимаешь, шутит он или серьезно. Мы уже в коридоре центра, море блеснуло — и исчезло, М. всегда уходит быстро; и вот мы идем дальше, М. приобнял меня за плечи и объясняет, пока мимо мелькают двери и медсестры — я только и успеваю, что кивнуть всем сразу.

— Это мужчина, одинокий, есть жена и дочь, но он как будто отстранен: часто уезжает. Любит бродить по лесу, привозить грибы — лисички, иногда вырезает деревянных рыб, потом раскрашивает, но не на продажу, хотя жена говорит — мог бы продавать. Вчера уволили. Рюкзак огромный туристический, куртка камуфляжная, сам неприметный, глаза серо-голубые.

— А разве у них не меняется одежда? У тех, кто пропадает?

— Может, но не сразу. Жена нам быстро позвонила, говорит: куда-куда, а уж на дачу

он не может не отправиться, если исчез перед отъездом — значит точно дело плохо. Все бы так быстро соображали... Вот послушай: мы сейчас двинемся с тобой через общий вход, и я хочу, чтобы ты нащупала след.

— Но я не...

Я мечтала работать там же, где и М., мечтала не зависеть от родителей и помогать пропавшим — это сразу все решило бы! Но я думала — как-нибудь потом, не вот так, утром, когда у меня в ботинках еще песок приморский, и живот подводит, и...

— Мира, — М. даже наклонился, сел передо мной на корточки и смотрел теперь снизу вверх — не настолько он меня выше. — Послушай, что скажу. Ты тут совершенно ни при чем. Ты можешь быть в плохой форме, в хорошей, выспаться, не выспаться, можешь быть самой компетентной в мире или начинающей — это сейчас не важно. Думай про того, кто исчез. Помнишь, как в математике? Себя за скобки. Нам нужно, чтобы человек вернулся домой, и я знаю, что ты можешь помочь. Ну-ка, давай я тебе его покажу.

Мы обычно не... Мы можем, да, читать мысли друг друга и можем читать образы в сознании друг друга — я только учусь, и никогда еще никто не впихивал мне образы без спроса. Но я вижу пропавшего — как он медленно режет рыб (лобзик в ру-

ках) и красит их серебряным; как вздыхает, пока листья осин трепещут на ветру; как наклоняется к стайке лисичек под сосной и думает, что надо бы позвать жену и дочь, чтоб тоже собирали, но их рядом нет.

— Мира, дыши. Прости. Чувствуешь что-нибудь? Он здесь недавно проходил.

Весь этот общий вход — перемычка меж *морозом* и миром — напоминает старую кладовку. Пыльно, тихо, никогда больше никто не придет; все стены в объявлениях. «Пропал», «исчезла»...

— Не читай, ищи сегодняшнего. Я помогу, если что, но ты можешь сама.

Рыбы, и лес, и мох, и тишина. Хотел тишины, в ней же потерялся. Если семью не обеспечивать — зачем он нужен? Они и сами справятся, а он пока что в лес.

М. взял меня за руку, и я закрыла глаза: сейчас опять шагнем. Огромный туристический рюкзак. Лес по ту сторону темный, влажный, будто началась весна, а прошлогодние бурые листья еще не опали, и новых никогда уже не будет. Может быть, в те поездки по лесам пропавшему впредь надо будет звать своих, или наоборот: раз в жизни остаться дома и помочь сделать уборку. Может, им не так важно, сколько он приносит денег. Разве не жалко сгинуť навсегда, а ничего другого даже не попробовать? Ноги промокли: под ногами мох и листья. Если жена не хочет его видеть, вряд ли бы звонила нам?

- А как его...
- Борис Иванович.
- Борис Иванович!

Я хочу, чтобы все вернулись домой и чтоб отец отдал дочери помятый черный хлеб из рюкзака. Я хочу, чтобы все было в порядке.

Пропавший спит под деревом, рюкзак под головой, и спать поэтому приходится как будто полусидя.

Я ничего не умею; я не поняла, как это сделала; это вообще все М., при нем любой бы смог; есть еще тысяча вещей, которые все испортят, но это все не важно.

Важно: мы его нашли.

Глава первая

Эта история началась с того, что меня все-таки принесли в жертву. То есть не совсем так: по уму, история началась с того, что папе захотелось горных кружев и у него как раз остались лишние полтора дня. Но если дать мне волю, мы увязнем на развилке, точнее, будем вечно переходить от одной к другой: а если бы мама в тот день не была в числе встречающих? А если бы у папы не было поста и титула? Если совсем кратко, наша история звучала бы так: однажды мама последовала традиции, потом уперлась, а потом опять последовала.

Знаете, что самое неприятное, когда ты жертва? Я имею в виду — официальная, честно приговоренная старейшинами и для верности избранная жребием, тут даже мама ничего не смогла сделать. Вовсе не то, как от специальной ритуальной краски сохнет кожа. Они, по-моему, сами не помнили, какой рисунок наносить, эти три старика — худой, толстый и призрак; призрак

вообще не участвовал. Так, светился в углу пещеры.

Это сейчас я так спокойно говорю: светился, мол, и все. Тогда очень боялась, что слезы все-таки прольются, краска смоеся и все начнется заново. Или меня раздумают делать жертвой — а что случается с отвергнутыми жертвами, вообще никто не знает. Наверное, их перестают замечать, но это-то мне как раз было привычно.

Худой старик, Анум-АшБэли, отвечал за галочки. Он нарисовал две на моих щеках, подумал и изобразил еще одну на лбу. Ему досталась самая толстая из кисточек — хотя не уверена, что я в то время знала это слово. Наверное, просто думала, как же щекотно.

Толстому старику, Аришу, нравились кружки и точки в них. Сначала он обвел кружками галочки, потом весь лоб мне испещрил теми кружочками. Я помню, что краска почти не пахла, хотя была свежая, двух цветов — черная и красная; зато пахли старики. Если бы мне разрешили говорить, я непременно предложила бы помочь: Аришу было тяжело дышать, Анума-Аша хворь точила изнутри, изъела, как большие муравьи — старое дерево. От них обоих пахло потом, вяленой рыбой и гнилой капустой; никого я, конечно, не смогла бы исцелить, только взбесила бы, но в тот раз молчала вовсе не поэтому, а потому, что говорить было нельзя. Зато я думала. Очень много быстрых мыслей может мелькать в голове ма-

ленького существа, которое видело в своей жизни много гроз, несколько ярмарок, пару похорон и, кажется, шесть разноцветных зонтиков. У нас в горах мало было цветных вещей, вообще мало цветов; даже та краска, которую на меня так щедро тратили, считалась драгоценностью. А вот туристы, если уж до нас добирались, привозили все с собой — плащи и платья, полотенца и палатки и, конечно, зонтики.

Так вот — я тогда очень мало видела. И когда меня обернули шалью — четырехцветной, красной с рыжим, синим и зеленым, — это был лучший из подарков. То есть я знала, для чего людей приносят в жертву, не зря же в прошлые дни жребия мама просто меня прятала, а потом смерч рассасывался, ливень утихал, потоки вспенивались и усыхали до ручьев — хозяин первых гор проявлял *милость*; я знала, что мне предстоит, и плакать не могла, но шаль все перевесила. Она была огромная. Не ведаю, откуда взяли шерсть: мягкую, легкую, и кожа от нее не зачесалась ни на миг, а ведь в пещере, где меня раскрашивали, и так было тепло. Эту шаль я не заслужила, но она была моя, и, пока в мои волосы вплетали бусины, пока надо мной пели, пока в мой рот вкладывали самую спелую ягоду, какую смогли найти, — я любовалась.

В те годы я говорила очень мало. Во-первых и в самых главных — мне не полагалось. Если у тебя нет ни бабушки, ни теть,

ни дядь, если твоя мать — последняя засыхающая ветка на семейном дереве, а ты последний горький, предосенний плод — тебе не дают слова. Во-вторых, я не знала, что сказать, что говорить — каждое слово будто бы росло внутри, чернело, ширилось, затапливало меня всю и уж тогда выплескивалось. Точнее, выплескивалось бы, но я смыкала губы. Что будет, если я заговорю как все — помногу? Потом я выяснила, что к этому привыкаешь, что никого разливы моих слов не интересуют, но в детстве замолчала честно, намертво. В-третьих, если заговоришь, тебя заметят.

Поэтому я вышла из пещеры, посасывая ягоду, — закутанная в шаль, как следует раскрашенная. На языке все еще чувствовался сладковатый сок. Снаружи было пасмурно — как и всегда в дни милости; только обычно жертву приносили позже и ливни успевали разразиться. В этот раз решили заранее.

Надо сказать, в том, что тебя не замечают, есть свои плюсы. Например, можно гулять, пока все остальные младшие сидят дома — в дни милости им не полагается ходить по улицам. С жертвой тоже никто не разговаривает, и, таким образом, броня незамечания на мне была двойной; я не знала слова «броня», но сошла вниз по узкой тропе между колючими кустами, прошла сквозь рощу, где на ветвях покачивались тусклые

монетки — с дыркой посередине, привязаны на веревочки; тут и там поднырнула под калитки, пока не залаяли собаки, прошла пару переулков, скользнула на главную улицу и там замедлилась.

На главную улицу приезжают посмотреть и с островов, и с той стороны хребта, и даже из столицы, если повезет. Там всегда кто-то да торгует, даже в *милость*; жертва — дело окраин, дело стариков в пещерах, а на главной все так же продают накидки и пояса из козьей шерсти, орехи и горные яблоки (красные пятна на сером), плетеные сумки, кожаные кошельки, камни, исчерченные знаками, зубы в золотой оправе (не исключено, что некоторые из них сколько-то лет назад принадлежали телу нынешнего призрака) и, конечно же, кружева. Их мама и плела. Продавали толстые женщины, заггар которых не исчезал ни в какую хмарь, а плели мама и такие, как она.

Не все для этого годятся. В кружево надо вплести собственную ноту, собственную историю — «я родилась в дождливый день последней из сестер» — и одновременно предчувствие чужого счастья. Или чужих перемен, или просто строчку, парную собственной, — «в солнечный день пятого лета от сегодняшнего дня ты наконец поймешь, что делать дальше». Чуть-чуть предчувствия, чуть-чуть надежды, и ничего из этого не называть словами, в лоб. Только думать, пока плетешь.

Я шла по пыльной дороге, и пыль была уже чуть-чуть прибита — ночью прошел дождь — и от дождя порыжела. Я просто хотела посмотреть, не приедет ли еще кто-нибудь с зонтиком, или с сумочкой, расшитой бисером, или, возможно, со стеклянными сережками; мама как-то рассказала, что стекло для них добывают с речного дна, и я себе так и представила эту реку, мокрый песок, усеянный стеклышками — темно-синими и зелеными. Пахло жареным тестом и костром; вдоль дороги на шатких табуретках женщины, сами как жареные булки — пухлые, красивые; кто-то в шатрах уже затянул песню — разминался к вечеру; тучи ворчали, медленно спускались ближе.

Никто на меня не смотрел, хотя все видели. Шаль потихоньку становилась тяжелее — в воздухе набухала водяная взвесь, — огонь под сковородой старой Аньи вспыхнул ярче, злее, а мне не было холодно. Шаль грела плечи, сохраняла тепло пещеры. Я проглотила косточку от ягоды и ягодную шкурку, потому что мякоть давно высосала, и принялась представлять: вот я подхожу, вот Аня, не глядя, отрывает кусок свежей лепешки и размашисто швыряет — как бы не мне, как будто бы горам. Как будто в пыль. На свежую, горячую лепешку пыли налипает больше, но сейчас пыль прибита дождем. Но в тот день я была жертвой, а жертве даже Аня швырять ничего не стала бы — ведь

считалось, что я уже не здесь, что меня нет сильнее, чем когда-либо.

Я думала о тысяче разных вещей, еще не зная, что такое тысяча: позволят ли маме носить черное; дадут ли ей спеть песню; смогу ли я прийти на землю дождем, и распознают ли, что дождь — именно я, и станут ли его считать оскверненным или все же соберут в ведра, будет ли кто-нибудь во мне полоскать волосы или мной только и можно, что поить скотину или отмывать пороги; почему жертве никто не дает с собой лепешек; верно ли говорят, что раньше жертву обували, и так ли это скверно — отделять ступни от троп, или такое можно только приезжающим; кому теперь уйдут мамнины бусы, наверное, ее же тени, когда срок придет; когда приносят жертву — называют имя вслух?

Это сейчас, когда прошло столько лет и я успела увидеть столько разных мест, людей и зонтиков, когда я смотрю на ту улицу из теплой, как следует прогретой комнаты без сквозняков и знаю, что если замерзну — могу просто сделать отопление сильнее; это из нынешней себя я думаю что-то вроде: «Вот бедная девочка», или: «Как можно так спокойно думать, что тебя съедят», или: «Что там у них за варварские обычаи». Но в тот день никакого «у них» не было, и когда я увидела у крайнего шатра — там обычно хранились ткани, неостребованные сумки, статуэтки и кружева, этаким общим склад товара на наш деревенский лад — так

Ядренцева Е.

Я 37 Неверморе : повести / Елена Ядренцева. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 352 с. — (Азбука. Голоса).

ISBN 978-5-389-33906-4

Есть книги, которые объясняют мир. А есть такие, которые просто дают постоять на краю — там, где обрыв не страшный, водопад ручной. Именно с такого утеса, придуманного, кажется, только для того, чтобы туда можно было сбегать, начинается эта книга.

«Неверморе» и «Выключатель зимы» — две повести о том, каково это — искать пропавших людей, когда пропажа не всегда означает смерть, а находка не всегда означает спасение. Здесь герои умеют читать чужие сны и чужую боль, ходят в лес, которого «не должно было появиться», вытаскивают из чащи девочек, назначенных в жертвы, и учатся не разносить мир вокруг себя одним неровным вздохом.

Это проза о взрослении через ответственность за других, когда единственный способ не утонуть самому — это думать не о себе, а о том, кого нужно вернуть домой. О хрупкой границе между «я забочусь» и «я прячусь за чужой бедой». О том, что быть рядом с кем-то в темноте, без огня, уже подвиг, даже если ты сам не уверен, что доживешь до рассвета.

Ядренцева пишет так, будто говорит с тобой напрямую, вполголоса, иногда сбиваясь и переспрашивая себя, — и в этой неуверенности больше правды, чем в любой уверенной интонации. Книга для тех, кто уже понял: взрослеть — значит однажды перестать быть тем, кого спасают, и стать тем, кто идет в лес за кем-то другим.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ЯДРЕНЦЕВА
НЕВЕРМОРЕ

Ответственный редактор Мария Нестеренко
Редактор Мария Головей
Художественный редактор Владимир Гусаков
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Ирина Игнатьева

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.07.2026.
Формат издания 84 × 96 1/32. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 16,39. Заказ № .

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01 Факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский пр-т, д. 68 Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 195112, Санкт-Петербург, Малоохтинский даңғылы, 68-үй Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-MOD-43386-01-R